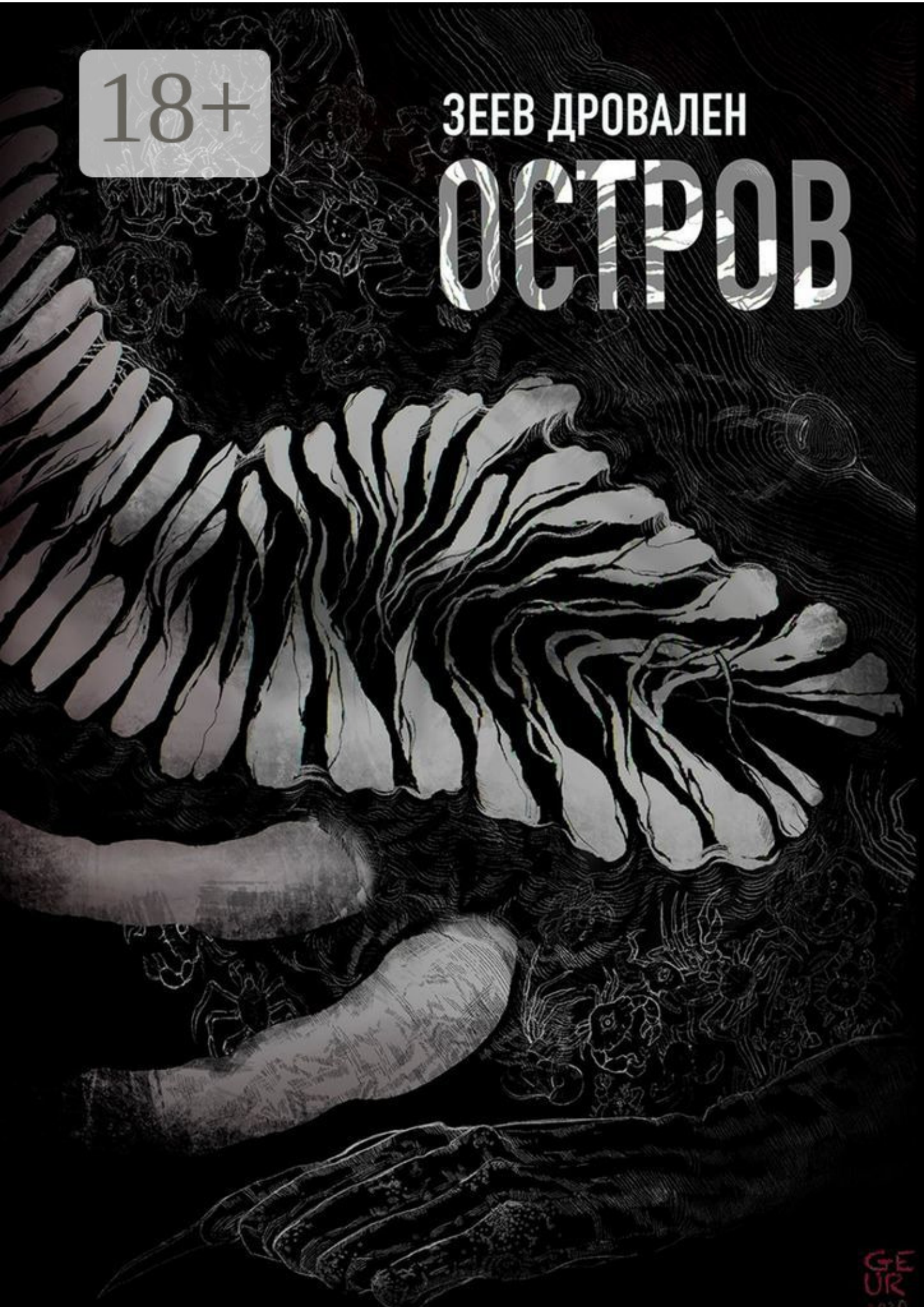

18+

ЗЕЕВ ДРОВАЛЕН

ОСТРОВ

Зеев Дровален

Остров

«Издательские решения»

Зеев Дровален

Остров / Зеев Дровален — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553362-3

О чем думает художник, оставаясь наедине с холстом в своей мастерской? Какие образы возникают в его голове? Он полностью растворяется в собственном воображении, плывет по волнам фантазии, не думая об опасности, таящейся во внешнем мире. Но опасность уже здесь. Стрелки часов неумолимо движутся к красной отметке. Память. Память! Он должен что-то вспомнить! Но как глубоко в себя нужно погрузиться, чтобы ухватить эту незримую нить? И хватит ли дыхания, чтобы вернуться на поверхность?

ISBN 978-5-00-553362-3

© Зеев Дровален
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Остров. Зеленый сектор. Начало первого периода	6
Глава 2. Семен Семенович	14
Глава 3. Остров. Зеленый сектор. Начало второго периода.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Остров

Зеев Дровален

«Ум лезет во все, ум легче чем дым. Но он никогда не поймет – спим мы или не спим».

(Борис Гребенщиков)

© Зеев Дровален, 2021

ISBN 978-5-0055-3362-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Остров. Зеленый сектор. Начало первого периода

В полной темноте волны набегали на песчаный берег, перекатывая и шлифуя миллионы и миллионы бесконечных миров. Миллионы вселенских катаклизмов вспыхивали ослепительным пламенем и рассыпались искрами на линии морского прибоя. Я слышал легкое дыхание моря, ощущал запах соленой воды, чувствовал горячее прикосновение солнечных лучей. Темнота и солнце. Ничего удивительного. Так было всегда. Или нет? Где-то высоко закричала птица. Лицо ощутило легкое прикосновение бриза. Окружающую меня тьму прорезали вспышки красного света. Красное разрослось и заполнило собой весь мир.

Я открыл глаза. Было позднее утро или ранний вечер. Солнце ярким пятном пробивалось сквозь голубую ткань над моей головой. Прямо у ног морские волны набегали на песчаный берег и откатывались назад. Едва заметный ветерок с моря совсем не охлаждал. Я попытался поднять руку. Ничего не получилось. Попытался повернуть голову направо. Получилось, но с трудом. Причем это простое движение вызвало приступ головной боли и отдышку. Я поморщился. А когда снова открыл глаза, увидел идущую до горизонта линию песчаного пляжа. С одной стороны, пляж ограничивался синей полосой моря, с другой – зеленой стеной буйной тропической растительности. Под лучами солнца песок казался ослепительным и резал глаза. Я несколько раз моргнул и посмотрел налево. Та же бесконечная линия пляжа, то же море, те же джунгли. Словно зеркальное отражение. Хотя нет. Там, где синяя полоса моря почти смыкалась с зеленью, виднелось что-то темное. Я прищурился. Судя по всему, небольшое бунгало, но на таком расстоянии разобрать было невозможно. Ветерок с моря снова коснулся лица. Капелька пота пробежала вниз по виску, вызвав ощущение легкого зуда. Я опять попытался поднять руку. На этот раз получилось. Кончик указательного пальца коснулся виска и потер зудящее место.

– Вы, наверное, хотите пить?

Я скорее ощутил, чем услышал сливающийся с шелестом набегающих волн женский голос.

– Да, – не задумываясь, сказал я. И, действительно, понял что хочу. Губы сделались сухими, в горле запершило.

За спиной что-то мелодично звякнуло, и с правой стороны подкатился небольшой столик, какие используют в отелях для доставки обедов в номера. На ослепительно сверкающем подносе стояло большое блюдо, доверху набитое идеально ровными кубиками льда. Рядом, большой стеклянный кувшин с ярко-оранжевым соком. Чуть дальше за ним, также во льду, запотевший от холода, несмотря на жару, пузатый графинчик с прозрачной жидкостью, и рядом с ним другой графинчик, на этот раз с содержимым, переливающимся всеми цветами янтаря.

– Можно воды? – осипшим голосом попросил я.

– Пожалуйста! – нежным звоном кубиков льда, ударяющихся о стекло, отозвался женский голос.

В поле моего зрения появилась тонкая рука с высоким запотевшим бокалом. Я, не отрываясь, выпил почти половину несмотря на то, что от ледяной воды заломило зубы.

– Вам легче?

– Да. Спасибо.

Мне действительно стало легче. Ослепительно белый песок уже не так резал глаза, зудящее ощущение в районе виска исчезло. Я медленно допил оставшуюся воду. Кусочек льда коснулся языка, оставив приятное онемение на самом кончике. Даже легкий бриз с моря теперь казался прохладным. Я чуть повернулся, поставил бокал на столик и наконец, посмотрел на

официантку. Это была молодая женщина очень красивая и очень, как бы это сказать, белокожая для палящего утреннего солнца. И она не была официанткой. Ее одежда скорее напоминала медицинскую униформу, правда, чересчур открытую, но это было вполне естественно при такой жаре. Я приподнялся и, сделав небольшое усилие, повернулся, пытаюсь выглянуть из-за спинки кресла, в котором сидел. Позади была все та же зеленая стена тропического леса. Небольшое бунгало уютно вписалось между двумя склонившимися пальмами у самой границы деревьев и песчаного пляжа. От бунгало к морю вела изгибающаяся дорожка, вымощенная крупной пористой плиткой. Границу дорожки отмечали выглядывающие из песка круглые фонарики, которые, судя по всему, светились ночью. Перед бунгало, слева от дорожки, был большой бассейн. Солнечные блики от него падали на темную стену бунгало и на пальмы.

Просто рай. В горле опять запершило.

– Простите, где я?

Женщина бросила в бокал новую порцию льда и наполнила его из кувшина янтарной жидкостью.

– Вы не помните?

– Нет.

– Не волнуйтесь.

Прохладный бокал снова оказался в моей руке. Я машинально поднес его к губам и сделал большой глоток. Горло опалило ледяным огнем. От неожиданности перехватило дыхание.

– «Джемисон», – сказала женщина. – Вы же предпочитаете «Джемисон»?

Я сделал большой вдох. Привкус виски на языке был терпким и неуместным для окружающей жары. Но по рукам и ногам пробежала тонизирующая волна жидкого огня. Я понял, что могу свободно двигаться, но облегчения это не принесло.

Я встал. В ноги впились миллионы мелких иголок. Кажется, я слишком долго сидел. Долго? Как долго? От быстрого подъема закружилась голова. Перед глазами поплыли темные пятна.

– Я болен?

– В некотором смысле, – ответила женщина. Ее глаза смотрели на меня внимательно, словно изучая. – Вы можете стоять?

– Да... Кажется, да.

– А идти?

Покалывание в ногах постепенно сошло на нет. Я сделал шаг вперед. Правая стопа погрузилась в песок вне пределов тени от голубого тента. Несмотря на раннее утро, песок оказался раскаленным от солнца. Я вскрикнул и заскакал на одной ноге, пытаясь стряхнуть горячие песчинки со стопы. Женщина засмеялась, и тут же прикрыла рот рукой.

– Извините... Сильно обожглись?

– Не очень. И уже почти прошло. И даже взбодрило.

Действительно. Раскаленный песок произвел на организм действие электрического разряда. Никакого покалывания или онемения в ногах больше не ощущалось. Я встал на одну ногу, затем на другую, пружинисто подпрыгнул. Больничная кресло-каталка под голубым навесом теперь смотрелось совсем неуместно.

– Можно еще воды, а лучше колы?

– С «Джемисон»? – улыбнулась женщина.

Ее улыбка была настолько искренней, что я решил не отказываться.

– С «Джемисон», – подтвердил я.

Раз уж мне снится такой необыкновенный и такой реалистичный сон, почему же этим не воспользоваться! В том, что это сон я вдруг совершенно перестал сомневаться. Этот тропический рай на земле, эта красавица официантка (все-таки официантка, медработники едва ли предлагают пациентам выпить), эти бунгало! Кстати, нужно взглянуть, что это за бунгало!

Тем временем женщина бросила в высокий бокал пару кубиков льда, плеснула янтарной жидкости и добавила шипучей колы. Ее очаровательная улыбка сделалась совсем неземной, когда она протянула бокал мне.

– Я вижу, вы решили, что это сон?

Ощущение безмятежности, охватившее меня за пару секунд до этого, дало трещину.

– С чего вы взяли, – улыбаясь, сказал я, принимая бокал.

– Да, так... – ее ресницы виновато порхнули, словно крылья бабочки. – Пойдемте, я покажу вам ваш номер.

Она изящно повернулась и грациозно двинулась по дорожке через пляж к бунгалу. Ее упругий зад, обтянутый белой тканью, плавно покачивался в такт шагам.

Я сделал большой глоток из бокала и двинул следом. Онемение в ногах прошло окончательно. Плитка, которой была выложена дорожка к бунгалу, оказалось совсем не горячей. Ее шершавая поверхность приятно щекотала босые ступни. А то, что я босой – это же вполне естественно на пляже? Так же, как и короткие темно-синие шорты с рисунком в виде каких-то математических формул. Как и просторная белая футболка без рукавов. Скорее, даже не футболка, а пляжный вариант майки с принтом большого циферблата на груди. Ветер, постоянно дующий с моря, вдруг на секунду переменял свое направление, и до меня донесся густой вязкий запах тропических джунглей за бунгалом. Я миновал едва слышно гудящей насосами бассейн. Он полумесяцем огибал бунгалом слева от дорожки. Ближайшее острие месяца заканчивалось почти у входа, дальше огибалось бревенчатые стены и оказывалось почти у самых пальм. Женщина тем временем была уже у самого входа. Опять очаровательная улыбка и порхание ресниц-бабочек.

– Добро пожаловать!

Грациозным движением она открыла дверь.

Снаружи бунгалом выглядело грубоватым строением из толстых бревен и крышей из пальмовых листьев. Нечто подобное я ожидал увидеть и внутри. Ту же грубоватую естественность и натурализм. Но я ошибся. Конечно, общий стиль простоты жилища был сохранен, но лишь в виде имитации. Планировка бунгалом, на первый взгляд, состояла из одной большой комнаты. На окнах бамбуковые управляемые с пульта жалюзи, что моя сопровождающая тут же мне продемонстрировала. Жалюзи с шелестом опустились, и под потолком загорелись точечные светильники. В центре стояла большая кровать гостиничного типа, напротив, на бревенчатой стене висел телевизор диагональю, наверное, не меньше, чем семьдесят дюймов. Рядом с ним большие круглые часы. В углу приятно поблескивала выпуклыми боками бутылок небольшая барная стойка. («Джемисон» в самом центре.) Справа от кровати за прозрачной раздвижной дверью оказалась ванная комната, едва уступающая по размеру самому номеру. Она включала в себя большую сауну, бассейн и душевую кабину. Рядом с дверцей в ванную обнаружилась еще одна малозаметная дверца. Кто бы мог подумать! В бунгалом был лифт на второй этаж. Женщина нажала кнопку «вверх», и через две секунды мы оказались в комнате с остроконечным потолком и широкими окнами. Снаружи окна прикрывали пальмовые листья, которыми была выслана крыша и, видимо, поэтому, я их не заметил.

У одного окна стоял большой письменный стол, но ни компьютера, ни принадлежностей для письма на нем не было. Остальное пространство между окнами занимали высокие, до потолка, книжные шкафы. На первый взгляд, обыкновенная библиотека. Я заметил Стивена Кинга, Хемингуэя, Бунина. На стене висели такие же, как и в спальне, необычные часы.

– Надеюсь, мы создали для вас комфортные условия, чтобы вы могли все вспомнить, – сказала женщина.

– Вспомнить все? – усмехнулся я, подумав о фильме со Шварценеггером.

– Все необязательно, только то, что важно. Остальное вспомнится само собой.

– Понятно... А что важно?

Женщина опять улыбнулась.

– Это вы поймете сами. Когда вспомните. Вы, наверное, обратили внимание на эти часы? Они отмеряют время, выделенное для нашей процедуры.

– Процедуры? – мне стало неудобно. Подумалось о каких-то шприцах и клизмах.

– Именно так.

Я присмотрелся к часам. Циферблат был разделен не на двенадцать привычных равных частей, а на три. Причем первая занимала большую часть, соответствующую шести часам или ровно половину. Окрашена она была в зеленый цвет. Следующая часть была желтой и занимала бы на привычном циферблате промежуток от шести до десяти часов. Оставшаяся часть, тревожно красного цвета, занимала последние два часа. Единственная стрелка находилась в самом начале своего пути по зеленому полю.

– И что это значит?

– Все очень просто. Вы должны восстановить свои воспоминания, пока стрелка находится на зеленом фоне. Если не удастся, у вас еще есть время на желтом поле. Если опять не удастся, то остается совсем маленький красный отрезок.

– А если и тогда не получится?

Женщина улыбнулась.

– Едва ли. Не волнуйтесь. Вы вспомните.

– А все же?

– Такого еще не случалось.

И опять легкое порхание ресниц-бабочек над большими миндалевидными глазами.

– Ну вот, кажется, и все. Но вы, вероятно, умираете от голода?

– Не очень, – сказал я,

– Тем не менее внизу вас ждет завтрак. Обед у нас в полдень, ужин за час до заката.

Женщина нажала кнопку, и двери лифта раскрылись.

– В течение дня, если захотите перекусить, за барной стойкой есть холодильник.

Мы спустились на первый этаж. Возле окна появился, или я раньше его не заметил, небольшой стол, накрытый белой скатертью с узором в виде математических формул и схем. На скатерти большое блюдо с фруктами, салатница с нарезанными овощами, хрустящие булочки со сливочным маслом и кофе.

– Приятного аппетита! Если что потребуется, звоните!

– Как? – хотел было спросить я, но тут же заметил телефонную трубку, висящую на стене рядом с дверью.

– Завтра я навещу вас. А пока оставайтесь, отдыхайте.

Женщина одарила меня на прощание улыбкой и вышла, закрыв за собой дверь. По каменным плитам прошелестели ее шаги, и стало тихо. Только шум набегающих волн и пение неизвестных птиц, где-то в шуршащих на ветру вечнозеленых джунглях.

Последняя мысль про вечнозеленые джунгли мне показалась какой-то странной. Далекой, что ли. Это как думать о пальмах и море в начале серого января. Волны шумели, ветер шелестел, птицы перекликались. Но все это было как-то «не здесь».

Громко «тикнули» и начали идти висящие на стене трехцветные часы. Я присмотрелся к стрелке. Казалось, она стоит на месте.

Я открыл дверь и выглянул наружу. Да нет же! Все по-настоящему. Волны набегали на песок, ветер шумел в кронах пальм, какие-то красно желтые птицы с ловкостью порхали с ветки на ветку. Может быть, так и выглядит настоящий отдых. Только знать бы, от чего? Чем я занимаюсь? Кто я?

Большой яркий шмель с жужжанием пролетел мимо, описал дугу и направился в сторону бассейна. Вот это правильно! Я не знаю, кто я. Я не знаю, где я. Но я знаю, что это чертовски хорошее место! И чем бы я ни занимался, судя по всему, я заслужил хорошие выходные.

Взгляд быстро нашел пульт от телевизора. Огромный экран выдал бесконечную бирюзовую гладь моря. Это мы уже видели за окном. На следующем канале под зажигательные латиноамериканские ритмы извивались загорелые красотки в бикини. На следующем пожилой господин у доски, исписанной формулами, пытался втолковать зрительской аудитории тонкости математических расчетов. Я остановился на концерте незнакомой чернокожей группы, самозабвенно играющей блюз. Сделал звук погромче.

С удовольствием позавтракал салатом из крупно нарезанных помидор, перцев и сладковатого лука. Кофе оказался восхитительным, а булочки с маслом просто волшебными! Все это прекрасно дополнил апельсиновый сок. Мысль о том, что делать с грязной посудой занимала меня не больше секунды. Наверное, этот вопрос как-то решается сам собой в этом совершенном и прекрасном мире! Я решительно подошел к сверкающему бару. «Джемисон»! Только «Джемисон»! Чудесная янтарная жидкость в квадратном стакане из толстого стекла. А где же лед? К черту лед! Разбавлять густой терпкий вкус талой водой – не лучший способ выразить уважение к старому доброму виски! Я сделал маленький глоток. Божественно! На экране телевизора блюзовая группа уже куда-то исчезла, вместо нее в бассейне плескались красотки в бикини, и негр в шубе, в золотой цепочке и цилиндре читал рэп на невнятном английском. Отлично! У меня тоже есть бассейн! Я сделал звук еще громче, захватил с собой бутылку виски со стаканом, и вышел из бунгало. Солнце поднялось уже высоко и палило нещадно. Однако, со стороны зеленой стены джунглей в сторону бунгало склонилось несколько пальм. Их тень падала как раз на бассейн. Я поставил бутылку и стакан на низкий столик у самого края бассейна, скинул майку и шорты, оказавшись в просторных темно-серых трусах с рисунком в виде математических формул (что за страсть к математике в этом заведении?) С удовольствием потянулся, чувствуя, как упруго в теле звенит каждая мышца. В бассейне отразился мускулистый загорелый человек средних лет. Общее впечатление портил большой шрам, пересекающий рельефные кубики пресса по вертикали. Выгляжу хорошо несмотря на свои...

Счастливый бег мыслей чуть замедлился. А сколько мне? Тридцать? Сорок? Серая пелена на мгновение закрыла глаза и тут же растаяла. Действительно, сколько? Солнечные блики на воде стали вдруг раздражающе резать глаза. Что-то похожее на воспоминания, словно обрывки ветхой ткани на ветру, затрепетало глубоко в сознании. Шум моря и джунглей отдался. Вместо них всплыл странный жужжащий звук, словно где-то вдалеке уже знакомый большой шмель описывал круги над невидимыми цветами. Звук был едва слышным и продолжался не больше секунды, затем море и джунгли снова вернулись. Блики на воде вновь стали мягкими и перестали резать глаза.

Что это было? Солнечный удар? Пора в воду! Подпрыгнув что было сил, я подтянул колени к груди и, подняв море брызг, «бомбочкой» обрушился в бассейн. Вода оказалась неожиданно теплой. Я проплыл у самого дна до противоположного бортика и вынырнул на поверхность. Красота! Когда я последний раз плавал в бассейне под пальмами? Не помню... Но удовольствие от этого не меньше. Набрал полные легкие воздуха, я оттолкнулся ногами от бортика и распластался на поверхности воды, раскинув руки в стороны. Солнечные лучи едва пробивались сквозь зелень пальм и приятно ласкали взгляд. Я закрыл глаза. Так как уши оказались под водой, привычные звуки стали практически не слышны. До меня доносился низкий гул, издаваемый, вероятно, насосами, качающими воду в бассейн, и легкий плеск от движения рук и ног. Как когда-то в детстве... Я так же лежал на воде, раскинув руки, и слушал шум перекачивающейся по дну гальки. Так же светило солнце, так же над головой качались зеленые листья. Только это была не пальма, а простая ива и было это не на тропическом морском берегу, и не в прозрачной воде бассейна... Вода была мутной от речного ила и отдавала болотным запахом. Смутно слышались мальчишеские голоса с берега, и один особенно громко отсчитывал: «Шестьдесят второй! Шестьдесят третий! Шестьдесят четвертый!» Это было... В каком году это было? Затем, я услышал такой же далекий женский голос: «Яша! Иди домой!

Пора обедать!» Мальчишка перестал считать, и его голос зазвенел в нагретом летним солнцем воздухе далекого прошлого: «Еще пять минут, мам!» Это было удивительное ощущение. С одной стороны я лежал, раскинув руки, на прозрачной глади бассейна под пальмами, а с другой стороны, ощущал запах ила забытой реки, слышал мальчишеские голоса: «Яшка, ты куда! Яшка, мы только до шестьдесят четвертого дошли!» И звонкий голос Яшки: «Я быстро! Только пообедаю!»

Мальчишеские голоса отдалились и затихли. Перед глазами, играя преломлением солнечных лучей, по-прежнему трепетали длинные листья пальмы. Я закрыл глаза. И мне вдруг показалось, что я ощутил тонкий аромат домашнего куриного супа. Я даже увидел в своем воображении большую тарелку, наполненную парящим бульоном. «Яша, кушай, пока не остыло!» И тут же, легкий звук ложки, касающейся дна тарелки. Негромкий, но удивительно отчетливый звук. «Цок», «цок», «цок»... Металл ложки ритмично касался фарфора.

Я открыл глаза и приподнял голову из воды. К постукиванию присоединился еще один звук. Теперь это было не только «цоканье», но и царапанье. Словно кто-то сначала касался гладкой поверхности острым предметом, а затем коротко проводил по ней. Звук доносился со стороны дорожки, ведущей от океана к бунгалу. Я подплыл к бортику бассейна. Постукиванье и царапанье звучало где-то совсем рядом.

В первую секунду мне показалось, что это кусочек отколотой плитки движется по дорожке. Но потом я заметил, что у плитки по четыре тонких ножки с двух сторон, и две внушительные клешни. Краб медленно перебирал ножками, издавая те самые стучащие—царапающие звуки, и неторопливо полз по дорожке.

Я выбрался из бассейна и подошел поближе.

Это был маленький краб светло-песочного цвета. Мое появление ничуть не испугало его. Крошечные глазки повернулись в сторону чужака, но ритмичное постукивание восьми ног не сбилось с ритма. Он равнодушно прополз мимо, чуть задержался, коснувшись лужицы, набежавшей с моих босых ног, пошевелил клешнями и двинулся дальше в сторону бунгалу. Куда ты малыш? Ко мне в гости? Но, кажется, нет. Миновав по дорожке бассейн, краб свернул налево, в обход моего жилища. Что ж, счастливого пути. Что-то твердое коснулось моей ступни. От неожиданности я дернул ногой и чуть не пнул еще одного краба. Этот был побольше размером и с панцирем темно-песочного цвета. Испугавшись моего резкого движения, краб угрожающе приподнялся на лапах и выставил темные клешни перед собой. Постоял, покачиваясь, в таком положении несколько секунд, убедился, что я не собираюсь на него нападать и осторожно двинулся дальше. «Цок», «цок», «цок», – стучали лапки по плитке дорожки. «Цок», «цок», «цок»... – слышалось со стороны океана. Не может быть! Еще один краб двигался по дорожке из желтого кирпича. А за ним еще один, и еще. Песок по обеим сторонам дорожки шевелился и двигался. Треугольные тельца на длинных ножках, чуть покачивая приподнятыми клешнями, двигались от линии прибоя сплошным шевелящимся ковром. Крабы были самые разные. От совсем мелких с панцирями светло-песчаного цвета до черно-коричневых гигантов с мохнатыми ногами и телами покрытыми мелкими ракушками и водорослями.

Мне стало не по себе. Ища путь к отступлению, я обернулся к бунгалу. Но к счастью, оказалось, что крабам было на меня наплевать. Их путь пролегал от океана, вдоль дорожки до бассейна, затем огибал бунгалу и исчезал среди тропических зарослей. По дорожке они двигались только до определенной границы. Она начиналась где-то в полуметре от моих ног. Затем крабы сворачивали налево и бежали по песку дальше. Ради эксперимента я сделал небольшой шаг вперед, и незамедлительно граница «крабьего» потока отодвинулась на точно такое же расстояние. Один маленький краб вовремя не успел среагировать на перемещение границы и, оставшись вдруг в одиночестве, запаниковал, заметался и буквально впрыгнул в общий поток. Большой черный, поросший ракушками экземпляр, в жизни таких не видел, остановился у самой границы, пошевелил огромными клешнями, словно раздумывая стоит ли отхватить мне

ногу или нет. Я невольно отступил назад. Граница сдвинулась, и краб, перебирая мохнатыми лапами, пополз в обход, вслед за остальными.

Сначала казалось, что это нашествие никогда не кончится. Но уже спустя минуту поток, надвигающийся от океана, начал редеть. А еще через минуту мимо меня торопливо ползли отдельные опаздывающие экземпляры. Я снова посмотрел в сторону бунгало. Пространство между бревенчатой стеной и бассейном шевелилось, перебирая лапами и покачивая клешнями. Чем ближе крабы были к джунглям, тем, больше они ускоряли движение, словно там скрывался невидимый «крабий» магнит.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, и на пляже становилось невыносимо жарко. Прохладные тенистые заросли выглядели очень привлекательно. Я не стал надевать шорты, накинул только майку и осторожно двинулся вслед уже почти иссякшему «крабьему» потоку.

В джунглях оказалось ненамного прохладней. Было влажно и душно. Сотни незнакомых запахов, которые на пляже ощущались легким экзотическим ароматом, сейчас раздражали излишней резкостью и приторностью. К запаху растений примешивался запах прелых листьев. Они лежали толстым слоем под деревьями и упруго пружинили под босыми ногами. Я подумал, что зря не надел сандалии, но возвращаться не хотелось. Тем более что, пока я стоял в нерешительности, последний краб размером с небольшое чайное блюдце прополз мимо меня и исчез за толстым стволом поваленного дерева. Я осторожно двинулся следом, стараясь тщательно выбирать место, куда поставить ногу. Солнечные лучи почти не пробивались сквозь плотные тропические кроны и, несмотря на ясный день, здесь царил вечерний полумрак. И чем дальше я шел, тем больше полумрак сгущался. У меня уже возникла мысль, что, наверное, зря я все это затеял, и не пора бы повернуть назад... Но в этот момент впереди, за зарослями гигантских папоротников, я уловил какое-то движение. Что-то большое шевелилось в густом и влажном полумраке тропического леса. Я затаил дыхание. Идея идти в незнакомую чащу, где неизвестно кто может затаиться, теперь казалась мне совершенно глупой. Но, с другой стороны, здесь же рядом на пляже вполне приличный курортный рай. Возле него должно быть безопасно. Или нет? Странное все-таки место...

Мои размышления прервал светло песчаный краб, который на секунду появился из зарослей папоротника, за которыми что-то двигалось и шевелилось. Сделав небольшой полукруг, он опять исчез. Чего бы там ни пряталось, краб его не боялся. Даже наоборот.

И, понимая, что делаю это зря, я шагнул вперед.

Вы видели когда-нибудь пчелиный рой? Не когда он в воздухе, а когда еще на земле, когда только собирается взлетать. Завораживающее зрелище! Тысячи пчелиных тел слеплены в единый шевелящийся и копошащийся клубок. Передо мной был точно такой же рой, только не из пчел, а из крабов. Рой размером с хороший грузовик. Маленькие, большие, огромные крабы копошились, ползали друг по другу, толкались, соскальзывали вниз и в то же время каждый пытался протолкнуться внутрь «роя».

Я огляделся. У ближайшего дерева нижняя ветка как раз оказалась высохшей и даже надломленной. Я повис на ней всем телом, рванул, и ветка с хрустом отвалилась. Получилась палка длиной метра полтора. Отлично. Я осторожно приблизился к копошащимся крабам и сунул конец ветки в самую гущу. Крабам это не понравилось. Несколько даже пытались ухватить ветку клешнями и повисли на ней.

Где-то наверху подул ветер, отчего смыкающиеся над головой кроны деревьев зашевелились, и стало немного светлее. Словно испугавшись неожиданного света, крабы слегка отхлынули в стороны, и мне, наконец, удалось разглядеть то, что находилось внутри «роя».

Сначала я увидел глаз. Не человеческий, нет. Это был большой темно-коричневый глаз крупного животного. Застывший черный зрачок смотрел на смыкающиеся сверху кроны деревьев, не реагируя на острые крабы лапки, копошащиеся вокруг. В нос ударил запах тухлятины.

Я отбросил палку и попятился. Рвотные позывы вплотную подступили к горлу, и мне еле удалось их сдержать.

Ну, конечно же! Что еще могло привлекать крабов в таком количестве.

Я попытался почти не дышать, чтобы оградить свое обоняние от жуткого трупного запаха, исходящего из недр «роя». Как я мог не чувствовать его раньше?!

Из-под крабьих тел, несколько ниже и левее остекленевшего глаза, обнажилось что-то светлое и длинное. Что-то похожее на... Господи! Это же бивень! Я еще раз окинул взглядом всю огромную тушу, облепленную крабами. Это слон! Этодохлый слон! Меня все-таки вырвало. Мысль об огромной гниющей туше, и копошащихся в ней членистоногих была выше моих сил. Перед глазами поплыли темные круги. Мне хотелось отдышаться, но легкие отказывались принимать насыщенный трупным запахом воздух. Нужно было срочно выбираться на пляж. К морю. Я попятился, было назад, но споткнулся и со всего размаха плюхнулся на спину. Толстый слой прелых листьев амортизировал удар о землю, но дыхание все же перехватило. Несколько секунд я лежал без движения. Где-то вверху среди нежно-зеленых веток порхали красно-оранжевые птицы. Прямо перед глазами пролетела большая фиолетовая бабочка. Стало очень тихо.

Я поднялся на ноги. Рой замер. Крабы застыли с поднятыми вверх клешнями, словно прислушивались.

А мертвый глаз теперь смотрел не вверх на кроны деревьев, он смотрел на меня. Я даже не успел успокоить себя мыслью, что это мне только кажется, что слон и раньше смотрел в мою сторону. Но глаз мигнул. Огромная, погребенная внутри роя туша зашевелилась. Послышался низкий, то ли рев, то ли стон. Чуть ниже бивня показался раскрытый рот, из которого вывалился распухший почти черный язык. Рой снова пришел в движение. Десятки клешней тут же впились в язык, а крабы поменьше полезли прямо в открывшееся горло. Стон поперхнулся и перешел в бульканье. Слон дернулся. Большим толстым хлыстом промелькнул в воздухе хобот. Огромная скрытая внутри роя туша заколыхалась и начала приподниматься. Слон медленно вставал на ноги. Часть крабов не удержалась и посыпалась на вниз. Они шлепались на устланную листьями землю, тут же вскакивали на лапы и опять карабкались по туше вверх. Слоны почти удалось подняться на ноги. Хобот взметнулся к нависшим сверху кронам деревьев, и уши заложило от рева. Что это было? Торжество или отчаяние? Скорее всего, отчаяние, потому что в следующую секунду слон повалился вперед, обрушившись на меня огромной гниющей тушей.

Глава 2. Семен Семенович

Лось стоял прямо посреди шоссе. Семен Семенович, со всей силы нажал на тормоз и вывернул руль вправо. Завизжало шинами, затрясло, закрутило, ударило в грудь и наконец затихло. В наступившей тишине стало слышно, как что-то тикает в замолкшем двигателе, и как скрипят успокаивающиеся рессоры. Почему-то вдруг зашипело помехами, а затем заговорило бодрым голосом, молчавшее до этого радио. «Небывалая жара, охватившая весь наш регион, побила новый исторический рекорд! Сегодня ожидается тридцать восемь градусов! Включайте ваши кондиционеры, закрывайте окна и двери и слушайте наше радио!» Семен Семенович поморщился и выключил говоруна ди-джея.

Что это было? Неужели он на мгновение заснул? Лось появился на шоссе словно из ничего.

Прямо перед капотом медленно раскачивалась еловая ветка. Где-то наверху принялся гулко стучать замолкший было дятел. Снова оживились притихшие птицы. Лось равнодушно посмотрел на замерший у края леса «Land Rover», фыркнул, мотнул рогами и скрылся в ельнике на противоположной стороне шоссе. «Вот скотина!» – подумал Семен Семенович, отстегнул ремень безопасности и, открыв дверцу, выполз из автомобиля. Сразу обдало жарким, насыщенным густыми лесными ароматами, воздухом. Конечно, не тридцать восемь, как обещал диджей, но тридцать три точно есть. Грудь слегка побаливала от удара, и чтобы глубоко вдохнуть, пришлось сделать над собой некоторое усилие. Лес окружал шоссе с двух сторон, тесно подступая почти к самой обочине. Перед деревьями вдоль дороги шел заросший травой и молодыми елочками земляной вал. Его высота была почти полтора метра. Он-то и спас «Rover» от столкновения с толстенной елью, послужив мягким амортизатором. Семен Семенович обогнул автомобиль спереди и, опершись рукой о капот, внимательно осмотрел возможные повреждения. Повреждений, на первый взгляд, не было. Но зато, откуда ни возьмись, возникла отдышка. Может быть, от жары, или как поздняя реакция на стресс. А может быть, это просто возраст и вес. Или, то и другое, и третье. Семен Семенович постоял с полминуты, опершись о капот. Ему представилось улыбающееся лицо жены, словно говорящее: «Ну, ну... Спокойно, Сема, спокойно...» Да, действительно, спокойно Сема. Все обошлось. Дыхание восстановилось. Сердце перестало колотиться. Вот и хорошо. Но, все же, надо бы как-то похудеть...

Сзади просигналил мощный гудок. По шоссе, сбавив ход, приближался большой ярко-красный трейлер с надписью «Кока-Кола». Водитель выглянул в опустившееся окно.

– Все нормально? – крикнул он. – Что случилось? Вы в порядке?

– Да! Все нормально! Спасибо! – махнул рукой дальнобойщику Семен Семенович. Ему вдруг стало неловко.

Водитель фуры кивнул, махнул рукой в ответ и уехал.

«Rover» завелся без проблем, с первого раза. Семен Семенович осторожно сдал назад. Еловая ветка, зацепившаяся за радиатор, вытянулась в струну, а затем пружиной устремилась к самому небу, вызвав небольшой птичий переполох.

Ехать нужно было еще около двадцати минут прямо по шоссе, а затем направо, еще минут пятнадцать по петляющей среди старых елей дороге. Если б Семена Семеновича спросили, что ему нравится в его даче больше всего, он бы не задумываясь ответил: «Дорога». Вид был фантастический. Ели обступали узенькую «двухполоску» так плотно, что местами их наклоненные верхушки переплетались между собой и почти скрывали небо, погружая едущих по дороге путешественников в атмосферу вечерних сумерек даже посреди ясного дня. Казалось, что за окном автомобиля проплывает древний сказочный лес, скрывающий в своих глубинах давно забытые тайны. Впрочем, большинство дачников, проезжающих по этому пути, наверняка с раздражением видели вокруг лишь запущенную чащу, которую неплохо бы проредить,

а лучше бы вообще вырубить, чтобы не приходилось включать фары в разгар солнечного дня. Действительно. Наверняка большинство думало именно так. Но, так уж получилось, что Семен Семенович не относился к «большинству». И это хорошо. Иначе бы он не был причислен к категории «Тех Самых», о которых взволнованным шепотом говорят на очередной международной художественной выставке или конференции: «Смотрите! Неужели это он! Не может быть! Тот самый!»

Крупное насекомое, наверное, жук, на скорости шмякнуло о лобовое стекло, расплескав по нему желто-зеленые внутренности и прервав вялое течение мыслей. Автоматически сработали дворники и с легким жужжанием принялись размазывать останки жука по всему стеклу. Пришлось несколько раз брызнуть «омывалкой», чтобы смыть эту дрянь. Вспомнилась история, вычитанная где-то в соцсетях об автоматическом роботе пылесосе, который в отсутствие хозяев весь день размазывал ровным слоем по всей квартире собачьи экскременты. Да-с... До восстания умных машин нам еще далеко. Хотя... Возможно, это и есть начало. Своеобразный «эксcrementальный» саботаж! Представились миллионы роботов пылесосов в миллионах квартирах и домах по всей планете, размазывающих собачьи какашки по паркетам, линолеумам, ламинатам и мраморным плитам. Семен Семенович усмехнулся. Какие только глупости не приходят в голову солидному вроде бы человеку.

Тем временем показался долгожданный поворот направо. Под знаком с указателем «Коттеджный поселок «Дубовый Остров» стояла полицейская машина. Полицейских было четверо. Все почему-то в бронжилетах и с короткими автоматами. Один из них, молодой сержант со знакомым лицом, поднял жезл, приказывая остановиться. Семен Семенович включил «поворотник» и припарковался сразу за полицейской машиной. Достал документы, порылся в бардачке, ища страховку, опустил окно и подал все подошедшему сержанту. Остальные трое остались стоять поодаль, наблюдая.

– Здравствуй, Семен Семенович, – сказал сержант, даже не посмотрев на протянутые документы, но цепко окинув взглядом салон автомобиля. Лицо парня покрывали крупные капельки пота. В бронжилетах было невыносимо жарко.

– День добрый, – кивнул Семен Семенович.

Этого молодого человека он знал хорошо. Последние года три они часто встречались, и на шоссе, и в самом коттеджном поселке.

– Что-то случилось?

– Откройте, пожалуйста, багажник.

Семен Семенович спрятал документы обратно, отстегнул ремень и, открыв дверцу, (сержант предупредительно отступил на пару шагов назад) выбрался из машины. Трое с автоматами поодаль чуть напряглись. Самый высокий из них едва доходил Семену Семеновичу до подбородка. А на вес он наверняка стоил их всех троих... Ну или двоих.

– Видимо, случилось что-то очень серьезное? – снова спросил Семен Семенович, открывая багажник

– Просто будьте осторожны, – нахмурился сержант, окинув взглядом моток троса, компрессор и ящик с инструментами. – Вы же сейчас к себе, в «Дубовый Остров»?

– Да, конечно.

– Как доберетесь, закройте ворота и никуда не выходите.

– Так, что же все-таки...

Но сержант уже приложил руку к козырьку.

– Счастливой дороги! – громко сказал он, а затем шепотом, чтобы не слышали стоящие поодаль. – Запритесь! Контртеррористическая операция.

Семен Семенович растерянно кивнул, закрыл багажник и поспешно вернулся за руль. «Хороший парень этот сержант» – подумалось ему. «Как его имя?» Имени он не вспомнил. А жаль. Больше этого парня живым ему увидеть не удалось.

Сложно сказать, почему коттеджный поселок назвали «Дубовый остров». Дубов там в помине не было. Липы были, клены были, сосны, ели. Ну и понятно, всякие там яблони, груши, смородины. Даже была одна пальма в огромной кадке, которую каждое лето, если оно было жарким, выставлял на своем участке сосед, военный на пенсии. Однажды, от сильного ветра пальма опрокинулась и вывалилась из кадки, и Семен Семенович помогал соседу устанавливать ее заново.

Путь через «темный таинственный лес» прошел незаметно, деревья расступились и открылся великолепный вид на реку и на поселок. «Rover» быстро спустился в низину и уже через минуту катил по главной улице. Миновал обычно переполненную, а теперь полупустую стоянку возле местного «Супермаркета». Видимо, жара уже всех доканала, и жителям было лень выходить из домов. Проехал по пустынной улице мимо безлюдного мини-парка с детской площадкой. Детей на площадке не было. Была только беспородная лохматая собака. Она сидела в тени от карусели и тяжело дышала, вывалив почти до самой земли розовый язык. Кто-то заботливо поставил рядом таз с водой.

Дом Семена Семеновича находился почти на самом краю поселка. Дальше был только большой пустующий участок с заросшим садом и заброшенным недостроенным коттеджем. Семен Семенович давно положил на него глаз, но хозяин долгое время не соглашался продавать, видимо, хотел достраивать, но, наконец, сдался и передумал.

Но не соседский участок занимал сегодня мысли Семена Семеновича. Было дело более важное, более глобальное, что ли... Означающее и символизирующее крутой поворот в его жизни. А когда тебе шестьдесят пять, крутые повороты – это нечто из ряда вон выходящее.

Семен Семенович остановил «Rover» у ворот, нажал на кнопочку пульта, и пока гаражные ворота медленно ползли вверх, промотал в голове порядок запланированных действий. Порядок был очень простым. Первое – подняться на чердак. Второе – убрать с чердака все лишнее и ненужное. «Подняться» – даже для его габаритов и возраста было несложно. А вот остальное...

Гаражные ворота наконец открылись, и «Rover» заехал внутрь, в тень и прохладу.

– Привет, Семеныч, – услышал он, когда, хлопнув дверцей автомобиля, уже хотел закрывать ворота. Перед входом в гараж стоял сосед. Тот самый, что держал пальму в кадке на своем участке. Военный пенсионер был в шортах со странным рисунком и гавайской рубашке. На голове ярко-синяя бейсболка с американским флагом, на носу темные очки.

– День добрый, – отозвался Семен Семенович как можно приветливой, хотя разговаривать ему сейчас совсем не хотелось.

– Адское пекло просто. Градусов тридцать пять, – продолжил сосед.

– Тридцать семь! В машине термометр показывал тридцать семь за бортом.

– Отродясь такого не было... и вот опять, – хохотнул сосед. – Может быть, «по пивку»? Я привез свежего, холодного. И моих, как раз нет! Да и твоих, как я вижу, тоже!

Сосед задорно подмигнул. Предложение было заманчивым. После случая с упавшей пальмой они заметно сблизились и время от времени посиживали на веранде военного пенсионера за двумя-тремя кружками пива. И если бы не важное дело, ожидающее на чердаке, Семен Семенович обязательно б согласился.

– Спасибо, Сергей Петрович, – вздохнул он. – Но сейчас никак не могу. Мои вечером приезжают, а я обещал на чердаке прибраться. Давайте позже.

– Позже, – поморщился сосед. – Ну, смотри! Только не затягивай. Пиво имеет свойство заканчиваться.

И Сергей Петрович снова хохотнул.

– Я ворота запираю не буду, – сказал он, уже уходя. – Как закончишь, заходи.

– Зайду, – пообещал Семен Семенович. И когда сосед уже скрылся из виду, вдруг вспомнил предупреждение сержанта, держать ворота закрытыми. Как будто что-то здесь может про-

изойти, в этом вымершем от жары мире. Но какое-то шестое чувство заставило его выглянуть из гаража.

– Сергей! – крикнул он вслед уходящему соседу. Но тот махнул рукой и уже скрылся за воротами своего коттеджа. Бежать следом через солнцепек не хотелось. Позвоню, как поднимусь наверх, решил Семен Семенович. Закрыл гаражные ворота и распахнул дверь ведущую в дом.

Все дома, простоявшие пустыми пусть даже несколько дней, приобретали, по мнению Семена Семеновича, особую атмосферу. Атмосферу «пустого дома». И если в такой дом войти осторожно, потихоньку, чтобы не вспугнуть его, не растревожить, то можно услышать, а вернее, почувствовать, особую никому не заметную вибрацию стен, неразличимый скрип деревянных балок, шелест воды в трубах и легкое дыхание едва ощутимого ветерка, свободно гуляющего из одной комнаты в другую, спускающегося в подвал и поднимающегося до самого чердака.

«Ну здравствуй,» – мысленно сказал Семен Семенович Дому. «Здравствуй,» – ответил Дом колыханием занавесок. Это система кондиционирования, обнаружив присутствие человека, изменила свою работу с режима «сон» в режим «комфорт». Несмотря на тридцати семиградусную жару снаружи, в доме было прохладно. Семен Семенович заглянул в холодильник, налил себе ледяной колы и с наслаждением выпил. Налил еще, отпил половину и поставил стакан на стол. Что ж, теперь он готов к выполнению плана. Часть первая – подняться на чердак! И Семен Семенович поднялся. По винтовой лестнице от большой гостиной с камином внизу, минуя кабинет и спальни, до самого верха. Перед дверью на чердак он остановился, постоял секунду-другую, решительно взялся за ручку, повернул, шагнул вперед и замер. Как это было с ним всегда, когда он заходил в свою «Святая Святых», в свою Мастерскую. Здесь он всегда забывал обо всем, здесь внешний мир не имел никакого значения и словно переставал существовать. Здесь рождались картины, прославившие Семена Семеновича на всю Европу, давшие ему известность и приличное благосостояние. Но дело даже не в этом. Здесь рождались картины, которыми он жил, которые были частью его жизни, которые были им самим. Да, здесь он забывал обо всем. Забыл и на этот раз. О том, что хотел предупредить соседа не оставлять ворота открытыми.

Глава 3. Остров. Зеленый сектор. Начало второго периода.

Птицы кричали как сумасшедшие, волны с равномерным шелестом набегали на берег, солнце, пробиваясь сквозь незакрытые жалюзи, слепило глаза. Я лежал на кровати в своем бунгало. Голова раскалывалась, во рту пересохло, все тело болело. Немудрено. Как я вообще выжил после того, как на меня обрушилась многотонная разлагающаяся туша. Мысль про многотонную тушу, разумеется, была ироничной. Не нужно было долго гадать отчего раскалывается голова.

Я приподнялся на локте и огляделся. Все вокруг было идеально. Столик с фруктами, который раньше стоял у окна, теперь находился рядом с кроватью на расстоянии вытянутой руки. Он был заново накрыт, и теперь, кроме фруктов и булочек, на нем стоял небольшой графин с янтарной жидкостью, стакан из толстого стекла и высокая прозрачная ваза с кубиками льда. Лед только-только начал подтаивать. Как заботливо с их стороны. Я посмотрел на дверь. Дверь была закрыта. Прислушался. Кроме птиц и волн никаких звуков.

Я плеснул виски в стакан и залпом выпил. Бросил в опустевший стакан льда и налил еще. Я не помню, кто я, не знаю, где я, но одно можно сказать точно, с алкоголем у меня проблемы. Можно ли это считать началом процесса воспоминания? Будем считать, что да. Еще один глоток, и боль в голове утихла, хотя тело ломило по-прежнему. Шорты и футболка аккуратно сложенные лежали на уголке кровати. Здесь же лежало большое полотенце с уже знакомым узором из математических формул. Что ж, очень кстати.

Жесткие струи душа приятно массируют голову и плечи. Вода шумела монотонно и успокаивающе, смывая последние остатки ночного кошмара. Голова совсем перестала болеть, и по телу прошла легкая волна расслабления. Только большой шрам вдоль живота чуть ощутимо побаливал. Я вышел из душевой кабины, тщательно вытерся и повесил полотенце рядом с большим зеркалом. Провел ладонью по щетине на подбородке. Побриться, что ли? Бритвенные принадлежности стояли тут же на сверкающей чистотой стеклянной полочке. Да ну... Потом. В спальне негромко звякнула чашка, и в воздухе запахло дразнящим ароматом свежесваренного кофе.

– Доброе утро! – сказал я, выходя из ванной. – Как ваши...

«Дела» я недоговорил. В спальне никого не было. Но на столике у кровати, рядом с фруктами и графином дымилась чашка кофе. Я быстро подошел к двери и распахнул ее.

Шум волн, шелест пальм, запах моря и пустая дорожка. Никого.

За спиной что-то оглушительно заскрежетало, щелкнуло и ударило колокольным звоном. От неожиданности я присел. Все вокруг вдруг стало кристально чистым, резким и отчетливым. Сердце гулко ударило в груди и замерло. Дыхание замедлилось, затаилось. Слух обострился. Стали слышны поскрипывания деревянных бревен, из которых было собрано бунгало, шуршание какого-то зверька, копающего себе норку снаружи, и короткое «тс-с-с...», словно кто-то поспешно приложил палец к губам, требуя тишины.

Я обернулся. Стрелка на часах мелко вибрировала. Еще несколько мгновений назад она была на самом начале зеленого поля, а теперь оказалась на его середине, где-то в районе трех часов. Невидимый механизм еще раз проскрежетал, ударил и стих. И тут же зазвонил телефон у двери. Я перевел дух и снял трубку.

– Слушаю.

В трубке что-то проскрежетало, словно сработал такой же, как и в часах механизм, и бесстрастный автоматический голос сказал: «Внимание! Конец первого периода!» Шипение,

щелчки, скрежет. «Внимание! Начинается второй период!» Опять что-то щелкнуло, закрипело и стихло.

Я повесил трубку и тут же снял ее снова. На этот раз прозвучали обыкновенные длинные гудки. Затем щелчок, и знакомый женский голос на другом конце провода сказал: «Алло».

– Добрый день! Вы просили звонить, если что.

– Вам что-то принести?

– Нет, спасибо. Э... просто кое-что произошло. Часы!

– Часы?

– Да. Стрелка разом скакнула на три часа.

– Понятно. Ничего необычного. Время, отведенное на воспоминание, измеряется не равномерно, а определенными скачками. Видимо, закончился первый период.

– Да. Мне так и сказал... э... автоответчик.

– Значит, у вас все хорошо? Вам ничего не нужно?

– Все хорошо. Спасибо.

– Хороших вам воспоминаний. Звоните.

– Да. Спасибо. До свидания.

Трубка щелкнула и загудела короткими гудками.

Я стоял на берегу по колено в теплой морской воде и смотрел на почти невидимую в прозрачных волнах маленькую медузу. Думалось о том, что моя память сейчас как эта медуза. Вроде бы абсолютная прозрачность и чистота, но стоит извне набежать мелкой ряби, как проступают еле заметные почти неуловимые формы, звуки, запахи. А если море вдруг выбросит прозрачный комочек воспоминаний на горячий песок под обжигающие лучи солнца, то все невидимое в воде, спустя несколько минут, предстает серой скользкой и отвратительной массой.

Чайка громко прокричала у меня над головой, сделала круг и полетела вдоль линии морского прибоя в сторону смутно виднеющегося силуэта соседнего бунгало. Интересно, что там? Такой же, как и я бедолага, терзающий ветхие обрывки своей памяти. Или... Офис для персонала? Должна же где-то моя обворожительная медсестра, или кто она там, прятаться от солнца.

Я заглянул к себе в номер в поисках какого-либо головного убора. Может быть, шляпа какая-нибудь найдется или панاما. Солнце поднялось уже достаточно высоко и палило нещадно. Шляпы я не нашел, пришлось обмотать голову полотенцем. Зато обнаружили прекрасные сандалии. Идти по раскаленному песку босиком было бы совершенно невозможно. Из холодильника за барной стойкой я достал бутылочку ледяной колы. Покосился на виски и почему-то остался равнодушен. И правильно. В такую жару виски не к месту. Идти далеко.

Стрелка на цветном циферблате по-прежнему застыла на трех и совершенно не продвинулась за последние полчаса.

Сначала идти было совсем нетрудно. Даже приятно. Я напрасно опасался раскаленного песка, потому как выяснилось, что лучше всего шагать вдоль линии прибоя, где набегающие волны сделали песок плотным и прохладным. Я даже снял ставшие не нужными сандалии и нес их в руке. Одно неудобство, чалма из полотенца постоянно разматывалась и, в конце концов, я просто покрыл им голову как платком. Когда становилось совсем жарко, я мочил полотенце в воде, и на какое-то время делалось легче. Кола была уже совсем не «ледяной», но, когда захотелось пить, она оказалась очень даже кстати. Я отпил половину бутылочки и завернул ее пробкой. Нужно же было еще возвращаться.

Чем больше я приближался к цели своей прогулки, тем больше меня охватывало чувство беспокойства. Что-то с этим бунгало было не так. Спустя еще минут пятнадцать ходьбы, я понял что. Бунгало было заброшено. И очень давно. Часть крыши провалилась, стены тоже. Едва ли я здесь кого-то найду, но не зря же тащился по жаре в такую даль.

Когда-то бунгало было копией моего. Такой же бассейн полумесяцем, такая же дорожка, идущая от моря до самых дверей. Только теперь бассейн зиял пустой бетонной ямой, дорожку занесло песком, а дверей и вовсе не было. Как и части передней стены.

Я подошел ближе. Неудивительно, что все обвалилось. Бревна, из которых были построены стены, настолько истлели от времени, что при прикосновении крошились на мелкую сухую пыль. Внешне они выглядели как бурая губка. Чудо, что вся конструкция еще держала какую-то форму. Сколько времени нужно, чтобы дерево дошло до такого состояния? Сто лет? Тысячу? Похоже, что нечто подобное можно увидеть в музее палеонтологии.

В темноте провала, образовавшегося на месте двери, было сложно что-то рассмотреть. Угадывалась покрытая толстым слоем пыли стойка бара. На краю стойки такая же пыльная бутылка. Разумеется, этикетка не сохранилась, но я сразу понял, что это «Джемисон».

Я прищурился, солнце слепило глаза. Вдруг подумалось, что наверняка там, в провале прохладно. И мне захотелось немедленно шагнуть в тень, в полумрак, чтобы спрятаться от палящего солнца. И я шагнул.

Тень спасла от солнца, но облегчения не принесла. Из темных внутренностей развалин обдало жаром сауны. Пару секунд я стоял, моргая и привыкая к темноте. За спиной шумело море. Кричали чайки. Налево от стойки бара угадывалась кровать. Она едва виднелась под осыпавшимся потолком. Одно из упавших бревен лежало по диагонали и из-под него, из кучи тряпья торчала сухая ветка. Я присмотрелся. Разумеется, это была не ветка. Тонкая иссохшая, идеально мумифицированная в сухой жаре, человеческая рука. Постепенно глаза привыкли к сумраку, и теперь я видел торчащие из-под бревна ноги. Шорты почти совсем истлели от времени, но кое-где угадывался знакомый математический орнамент. Бревно упало прямо на голову лежащего, так что я был избавлен от вида мумифицированного лица. Но тело было видно.

Еще десяток секунд, и я уже различал почти все детали хорошо. Живот мумии от промежности до грудины был вскрыт и разворочен. Словно взорван изнутри. Тупо занял мой собственный шрам. Я приподнял майку. Рубец вдоль живота воспалился и покраснел. А труп под обвалившимся потолком шевельнулся.

Труп шевелился. Вернее, что-то шевелилось внутри разорванного живота. И я уже знал, что это. Секунда, другая и вот, они появились. Маленькие песчаного цвета клешни. Покачиваясь из стороны в сторону, открываясь и закрываясь, они словно прощупывали воздух. Затем показались ножки, а затем и сам краб. Краб был таким же древним, как и все, что его окружало. Древним и ветхим. Едва он попытался опереться на свои тонкие ножки, чтобы выбраться из зияющей дыры в животе мумии, как они подломились и рассыпались в прах. Глаза краба вытянулись в ниточки и тоже рассыпались вслед за панцирем и клешнями. И тут же, следом появились еще две пары клешней, побольше и потемнее. Но их обладателя постигла та же участь. Едва выбравшись наружу, они превратились в пыль. Часть праха осыпалась вниз, а часть более легких частиц ненадолго повисла в воздухе. Я сделал шаг назад. Мумия опять зашевелилась, выгнулась, словно оболочка личинки-куколки, из которой пытается вырваться наружу огромное насекомое. Я не стал ждать, результата метаморфозы. Развернулся и бросился вон из склепа на пляж, к морю. Даже зажмурился на долю секунды, чтобы слепящее солнце не так сильно ударило по глазам.

Солнца не было. Вернее, оно было где-то далеко за сомкнутыми над головой плотными кронами деревьев. И пляжа не было. Были джунгли. Я с разбега налетел на одно из деревьев, сильно ударился плечом и, не удержав равновесия, покатился по земле. Замолкла и тут же снова запела какая-то птица. От сухой жары, что окружала меня полминуты назад, не осталось и следа. Было влажно и душно. Как в моем ночном кошмаре. Я поднялся на ноги. Плечо болело, голова кружилась. Джунгли окружали со всех сторон. И ни малейшей подсказки, как я здесь очутился. Мне бы нужно вспоминать прошлое, а не приобретать новые провалы в

памяти. Я присел. Так... Вот, на прелой листве мои следы. Один отпечаток, второй, третий, четвертый... Я пошел по следам. Где же пятый? Вот пятый. Потом, поперек пути оказался ствол упавшего дерева. Я перелез через ствол. Вот опять следы. Но шли они не к стволу, а вдоль него. Начинались из-за темно-зеленых кустов, шли мимо и терялись в зарослях папоротника. Но это были не мои следы. Я был в сандалиях, которые взял в бунгало перед путешествием вдоль пляжа, а тот, кто здесь прошел, был босиком. Я сбросил сандалию с правой ноги и приложил стопу рядом с отпечатком. Черт, его знает... Не разобрать. Прикосновение босой ноги к прелым листьям снова вызвало неприятные воспоминания о недавнем сне. Я поднял голову. Что-то светлое промелькнуло среди деревьев. Там, куда уходили босые следы. Что-то похожее на человеческую фигуру.

– Эй! – крикнул я и вскинул руку вверх. Но крик получился каким-то слабым и быстро затух среди влажного леса. Человека уже не было видно. Я запрыгал на одной ноге, надевая сандалию, и бросился следом. Хоть кто-то еще живой в этом сумасшедшем месте. Кажется, я уже снова различил далеко впереди светлую фигуру, но, как назло, зацепился ногой за торчащий из земли корень. Только что надетая сандалия, описав широкую дугу, улетела куда-то в заросли. Да, чтоб ее... Пойду так! Но ощущать под босыми ступнями возможно кишашую насекомыми подстилку из гниющих листьев мне решительно не хотелось. Пришлось лезть сквозь папоротники и еще какие-то колючие кусты. Нашел не сразу. А когда нашел, некоторое время не мог сообразить, в какую сторону идти. Наконец, снова вышел на цепочку едва заметных следов. Так. Хорошо... Но теперь, я двигался осторожно, внимательно глядя себе под ноги, чтобы снова не запнуться. Лучше бы я смотрел вперед. Когда я перешагивал очередной, то ли корень, то ли просто тонкий ствол упавшего деревца, джунгли потряс жуткий рев. От неожиданности я присел. Ночной кошмар, мысли о котором я все это время старательно отгонял, вернулся во всех красочных деталях. Огромный облепленный крабами слон тщетно пытался устоять на ногах. А перед слоном стоял я. То есть не совсем я. А другой я. Из сна. Слон еще раз взревел.

– Беги! – вырвалось у меня.

Но фигура в светлом даже не шевельнулась. И слон обрушился на нее всей своей массой.

Я инстинктивно зажмурился, даже боясь представить, что стало с «другим мной». Но, опять же, я помнил, что ничего не случилось! Я же проснулся у себя в бунгало целым и невредимым. А с другой стороны, может быть, и не проснулся, может быть, это все галлюцинация последних мгновений жизни перед смертью. Или, может быть, это все одна большая...

Слон дернулся. Он все еще был жив. Крабы, вновь облепившие его со всех сторон, пришли в движение. Большим толстым хлыстом промелькнул в воздухе хобот. Часть крабов от этого легкого движения разлетелась в стороны, но большинство по-прежнему держались за свою добычу. Послышался низкий клокочущий звук. Звук нарастал и закончился настоящим взрывом воздуха в том месте, где под сомкнувшимися панцирями угадывался слоновий рот.

Это был то ли кашель, то ли чих. С десяток крабов отбросило на ближайшие деревья. Снова в воздухе мелькнул хобот. Но на этот раз, это было небесцельное движение. Хобот хлыстом прошелся по «рою», разбрасывая вцепившихся в него падальщиков. Но крабы не собирались отступать. Отброшенные к корням ближайших деревьев, они снова вскакивали на лапы и, подняв клешни, бросались в атаку. Огромная туша зашевелилась и начала подниматься. Слон снова вставал. Вновь прозвучал низкий рев, но на этот раз в нем не было боли и страха. В нем была ярость. Хобот опять мелькнул в воздухе, смертельной плетью проходясь по «рою». На этот раз удар был настолько силен, что послышался хруст ломающихся панцирей, а ствол ближайшего дерева покрылся расплюснутыми крабьими телами. Еще один взмах, и по соседним деревьям тоже потекли ошметки из кишок и обломков панцирей. Затем слон всей своей массой обрушился на землю и начал кататься на спине, давя и плюща паразитов, до которых не мог добраться хоботом. Вся поляна оказалась устланной дергающимися в конвульсии клеш-

нями и конечностями. Крабы бросились в разные стороны. Легкая бесплатная трапеза оказалась большой бедой. Огромный израненный, но все еще сильный слон, теперь одним движением уничтожал десятки, а может быть даже сотни своих мучителей. Крабы в панике бежали в разные стороны, но большинство, ведомые инстинктом, устремились обратно в море. И море, разумеется, было в моей стороне. И если раньше (во сне) членистоногие всячески избегали контакта со мной, то теперь их толерантность равнялась нулю. Маленькие особи, те, что не успели вовремя отвернуть, почти безболезненно тыкались в мои ноги, отскакивали и улепетывали дальше. Особи покрупней, причиняли уже достаточно острые ощущения. Мало того, они еще и пытались отхватить по куску мяса от моих ног своими клешнями. Поэтому, когда я увидел быстро приближающегося большого черного краба с огромными клешнями, времени для раздумий не было. Я побежал. И это было очень разумно. Так как за спиной раздался новый слоновый рев, затем трубление, а затем топот огромных ног. Я оглянулся через плечо. Слон неся следом за мной, яростно хлеща хоботом-плетью словно метлой и расчищая джунгли от падалыщиков паразитов.

Сколько раз я видел фильмы, (еще воспоминание) в которых главный герой, убегая от опасности, скажем, по шоссе от зловещего огромного грузовика, как замороженный бежал прямо, пока его не сминали в лепешку! И чего же тут сложного! Сверни с шоссе! Грузовик не сможет последовать за тобой! Только не беги прямо, идиот!

Я не считал себя идиотом, и как только топот огромных ног послышался буквально за спиной, я резко повернул налево.

Колодец был глубиной метров семь. Воды в нем не было. Только мягкая подстилка из тех же прелых листьев неизвестно сколько веков, падающих сверху на дно слой за слоем. Стены оказались заботливо выложены камнем. Когда я пришел в себя, то в первую очередь оценил мягкость подстилки. Осторожно, пытаюсь определить, не все ли кости сломаны, перевалился на спину. Надо мной в далекой вышине виднелся круг света. В нем покачивались ветви пальм. Затем с ревом пронеслась темная туша, и дождем посыпались многоногие твари с клешнями. Я нащупал рукой среди листьев круглый камень, и, не обращая внимания на боль во всем теле, принялся с остервенением плющить, дробить, крошить, разбрызгивать желто-зеленые членистоногие внутренности по стенкам колодца. Остановился, когда последняя клешня перестала дергаться. Я привалился спиной к шершавой и на удивление теплой стене. Сердце колотилось, лицо горело. Поднес к лицу руку со своим оружием. Камень оказался человеческим черепом. От ударов левая глазница деформировалась и треснула. Я внимательно осмотрел структуру разлома кости. Я устал, и не мог оценить красоту преломляющихся линий. Мне уже было все равно. Череп так череп. Очень много всего. Нужно поспать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.